

А. Шопенгауэр

Мир как воля и представление
Том 2. Памятники философской мысли

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
Ш79

Ш79 **Шопенгауэр А.**
Мир как воля и представление: Том 2. Памятники философской мысли / А. Шопенгауэр – М.: Книга по Требованию, 2023. – 672 с.

ISBN 978-5-458-41008-3

ISBN 978-5-458-41008-3

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ο ΒΟΛΕ Β ΠΡΙΡΟΔΕ

Обсуждение
подтверждений философии автора
данными эмпирических наук,
полученных со времени ее опубликования¹

Τοιαῦτ' ἐμοῦ λόγισιν ἐξηγουμένου,

Οὐκ ἤξιωσαν οὐδε προσβλέψαι τὸ πᾶν.

'ΑΜ' ἔκδιδασκει πᾶνθ ὁ γηράσκων χρόνος²

Αεσχυλος

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне была дана радостная возможность по истечении 19 лет внести в переиздание этой небольшой работы необходимые исправления, и моя радость была тем большей, что работа эта имеет особое значение для моей философии. Ибо исходя из чисто эмпирических данных, из замечаний беспристрастных исследователей природы, следующих требованиям своих специальных наук, я достигаю непосредственно подлинного ядра моей метафизики, выявляю точки ее соприкосновения с естественными науками и даю тем самым в известной степени проверку моего основного догмата, который получает таким образом свое более конкретное и специальное обоснование и становится более отчетливым, точным и доступным для понимания.

Внесенные в это новое издание исправления почти полностью носят характер добавлений; из первого издания не устранено ничего достойного упоминания, но в первоначальный текст внесены многочисленные и в ряде случаев существенные добавления.

И вообще, то, что книготорговцы предприняли новое издание этой работы, служит хорошим признаком возникновения внимания к серьезной философии и того, что в настоящее время потребность в действительных успехах в этой области становится более настоятельной, чем когда-либо. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, беспримерным развитием всех естественных наук, которое, будучи большей частью связано с деятельностью людей, ничего, кроме данных наук, не знающих, грозит привести к грубому и плоскому материализму — от него отталкивает *прежде всего* не столько моральная грубость конечных результатов, сколько невероятное непонимание первых начал; отрицается даже жизненная сила и органическая природа низводится до случайной игры химических сил³. Таким господам от тигеля и реторты следовало бы объяснить, что занятия одной только химией могут помочь стать аптекарем, но не философом; и многим другим, родственным им по духу естествоиспытателям, также следовало бы внушить, что можно быть прекрасным зоологом и твердо знать все шестьдесят видов обезьян и все-таки, если не ведать ничего больше, кроме разве что катехизиса, в целом оставаться невежественным человеком, не превышающим уровня толпы. И в настоящее время это часто случается. Люди, изучившие химию, физику, минералогию, зоологию или физиологию и больше ничего не знающие, объявляют себя светочами науки, сопоставляют со своими данными полученные иным образом знания, а именно то, что еще со школьных лет сохранилось в памяти из катехизиса, а если то и

другое не вполне соответствует друг другу, сразу же начинают насмехаться над религией и превращаются в пошлых, грубых материалистов⁴. В школе они, быть может, слышали, что существовали Платон, Аристотель, Локк и даже Кант, однако поскольку все эти люди не работали с тиглем и ретортой и не набивали чучела обезьян, они не сочли их достойными более близкого знакомства и, спокойно отбрасывая всю работу мысли двух тысячелетий, они философствуют с помощью богатых возможностей собственного духа, на основе катехизиса, с одной стороны, тигля, реторты и перечня видов обезьян – с другой, и предлагают это публике. Им следует без всяких оговорок дать понять, что они невежды, которым надлежит еще многому учиться, прежде чем выступать со своим мнением; и вообще каждый, догматизирующий с детски наивным реализмом о душе, Боге, начале мира, атомах и т.п., как будто “Критика чистого разума” написана на Луне и ни один ее экземпляр не достиг Земли, должен быть отнесен к толпе: отправьте его в помещение для прислуги, пусть он там излагает свою премудрость⁵.

Другим обстоятельством, которое взывает к подлинному утверждению философии, является возрастающее, несмотря на все лицемерные маскировки и видимость прочности церкви, неверие, которое необходимо и неизбежно сопутствует все более распространяющимся эмпирическим и историческим знаниям разного рода. Оно грозит вместе с формой христианства уничтожить также его дух и смысл (гораздо более глубокие; чем оно само) и отдать человечество во власть *морального* материализма, значительно более опасного, чем упомянутый только что материализм химический. И ничто не способствует столь сильно этому неверию, как повсюду заявляющее о себе с такой наглой глупостью обязательное следование Тартюфу; держа еще в руке подачку, эти грубые его апостолы проповедуют так елейно и настойчиво, что их голоса проникают даже в научные, издаваемые академиями или университетами критические журналы, а также в книги по физиологии и философии, где они, занимая совсем не соответствующее им место, наносят ущерб своей собственной цели, ибо вызывают возмущение⁶. При этих обстоятельствах отрадно видеть, что философия не перестает вызывать интерес публики.

Тем не менее я вынужден сообщить профессорам философии грустную весть. Их Каспар Гаузер (по Доргуту)⁷, которого они почти в течение сорока лет так тщательно держали в заточении, лишая света и воздуха, и так прочно замуровали, что ни звука не доходило до мира о его существовании, – их Каспар Гаузер бежал! Бежал и гуляет по свету; некоторые даже считают его принцем. Или, говоря прозой: то, чего они более всего боялись, что им счастливо удавалось объединенными силами и редким упорством предотвращать на протяжении целого поколения с помощью такого глубокого молчания, такого полного игнорирования и засекречивания, которого еще никогда не было, – это несчастье все-таки

произошло; меня начали читать – и теперь уже не перестанут. Legor et legar⁸: именно так. В самом деле, как скверно и как некстати: подлинная фатальность, просто беда. И это награда за столь верное решительное молчание? За столь прочное неразлучное единство? Бедные надворные советники! А как же обещание Горация:

Est et fideli tuta silentio
Merces, – ?⁹

В недостатке верного *silentium* их никак обвинить нельзя; напротив, в нем-то их сила; как только они где-либо заподозрят заслуги, они применяют это самое тонкое средство против них: ведь то, о чем никто не знает, как будто и не существует. Что же касается *merces*, останется ли она полностью *tuta*, то здесь теперь возникают сомнения; разве что толковать *merces* в дурном смысле [как кару], для чего также можно найти убедительные высказывания авторитетных классических авторов. Господа профессора совершенно правильно поняли, что единственное применимое против моих сочинений средство – это скрыть их от публики с помощью глубокого молчания под громкий шум при рождении каждого уродливого отпрыска профессорской философии, – как некогда корибанты громовым ревом и шумом заглушали голос новорожденного Зевса. Но это средство исчерпано: публика открыла меня. Гнев профессоров философии по этому поводу велик, но беспомощен: ибо после того как теперь это единственное действенное и столь долго успешно применявшееся средство исчерпано, никакая брань уже не может воспрепятствовать моему влиянию и тщетно некоторые из них занимают одну позицию, другие иную. Правда, они достигли того, что современное моей философии поколение сошло в могилу, не ознакомившись с ней. Но это было только острочкой: время, как всегда, сдержало слово.

Моя философия была столь ненавистна господам от “философского ремесла” (так они сами с невероятной наивностью называют свою деятельность)* по двум причинам. Во-первых, тем, что моя философия портит вкус публики, вкус к пустым философским хитросплетениям, к высокопарным ничего не говорящим нагромождениям слов, к пустой, поверхностной и медленно изматывающей болтовне, к выступающей в облачении скучнейшей метафизики христианской догматике и к выступающему в виде этики систематизированному пошлейшему филистерству, даже с приложением руководства к карточной игре и танцам, короче говоря, вкус ко всему методу философии мундира, который уже многих навсегда отпугнул от всякой философии.

Вторая причина состоит в том, что господа от “философского ремесла” не могут допустить признания моей философии и потому не могут и использовать ее для пользы “ремесла”, о чем они искренне сожалеют,

*Götting. gelehrte Anzeig. 1853, S. 1¹⁰.

так как мое богатство очень помогло бы им при их бедности. Однако она во веки веков не удостоится их милости, хотя бы в ней и содержались величайшие из когда-либо ведомых человеческой мудрости сокровищ. Дело в том, что в ней отсутствует всякая спекулятивная теология, а также рациональная психология, а это, именно это, является атмосферой господ философии, *conditio sine qua non*¹¹ их существования. Они стремятся прежде всего получить необходимые им должности, а для должностей требуются прежде всего спекулятивная теология и рациональная психология: *extra haec non datur salus*¹². Теология должна быть в наличии, откуда бы она ни появилась: Моисей и пророки должны оказаться правы – таково высшее положение философии, необходима так же, как полагается, и рациональная психология. Между тем этого нельзя найти ни у Канта, ни у меня. Ведь о его критику всякой спекулятивной теологии разбиваются, как известно, самые убедительные теологические доказательства, как о стену стекло, а от рациональной психологии в его руках не остается ни одного целого лоскута! А у меня, смелого продолжателя его философии, то и другое, что совершенно последовательно, вообще уже не встречается¹³. Задача же философии, провозглашаемой с кафедры, состоит, по существу, в том, чтобы изложить под оболочкой очень абстрактных, запутанных и трудных, а поэтому мучительно скучных формул и фраз, основные истины катехизиса; эти истины в конце концов всегда оказываются существом дела, какими бы они ни казались на первый взгляд вычурными, необычными и странными. Такое начинание, быть может, и приносит пользу, но мне оно неведомо. Я знаю только, что в философии, т.е. в поисках истины, я имею в виду истину *κατ'ἐξουχην*¹⁴, под которой понимаются высшие, важнейшие, наиболее заветные для человеческого рода открытия, такого рода деятельность не позволит продвинуться ни на шаг; более того, она преграждает путь этому исследованию. Именно поэтому я уже давно вижу в университетской философии противника подлинной философии. И если при таком положении вещей вдруг появляется философия честная, серьезно преследующая истину, и только истину, – разве не должны тогда господа от “философского ремесла” почувствовать себя одетыми в картонную броню театральными рыцарями, пред которыми внезапно появился рыцарь в настоящих доспехах, под тяжелой поступью которого сотрясаются легкие подмостки сцены? Такая философия *должна* быть дурной и ложной; она заставляет играть господ от “ремесла” неприятную роль того, кто, дабы слыть тем, что он не есть, не может допустить, чтобы другой слыл тем, что он есть. Из всего этого возникает веселое зрелище, которым мы теперь наслаждаемся; эти господа, игнорированию меня которыми, к сожалению, пришел конец, начинают после сорока лет мерить меня своей меркой и с высоты своей премудрости судить обо мне в качестве компетентных ценителей, причем наиболее забавны они тогда, когда пытаются в своей критике играть роль заслуживающих уважения авторитетов.

Немногим менее, чем я, ненавистен им, хотя это и скрывается, Кант, потому что он совершил подкоп под глубочайший фундамент спекулятивной теологии и рациональной психологии, *gagne-pain*¹⁵ этих господ, полностью разрушив их в глазах всех серьезных людей. Так как же им его не ненавидеть? Его, кто настолько затруднил их “философское ремесло”, что они с трудом представляют себе, как им с честью выйти из этого положения. Поэтому-то мы оба плохи и господина профессора не замечают нас. Меня они почти за сорок лет не удостоили взгляда, а на Канта они теперь взирают с высоты своей мудрости с состраданием, посмеиваясь над его ошибками. Это очень мудрая и практичная политика. Ибо они могут без всякого стеснения, как будто на свете и не существует “Критики чистого разума”, разглагольствовать, исписывая целые тома, о Боге и о душе как об известных и особенно хорошо знакомых им вещах, основательно и учено обсуждать отношение Бога к миру и души к телу. Только забыть о “Критике чистого разума” – и все будет прекрасно! Для этого они уже много лет пытаются втихомолку постепенно отстранить Канта, показать, что он устарел, даже пожимать плечами, говоря о нем, причем, ободряемые друг другом, они действуют все смелее* Ведь им нечего опасаться встретить сопротивление в своей среде: ведь у всех у них одни цели, одинаковая миссия, они составляют многочисленное сообщество, глубокомысленные члены которого *ogam populo*¹⁶ по всем направлениям отвешивают поклоны друг другу. Постепенно дело дошло до того, что жалкие составители компендиев стали в своем высокомерии относиться к великим бессмертным открытиям Канта как к устаревшим заблуждениям, даже спокойно устранять их с самым смешным *suffisance*¹⁷ и бесстыднейшими безапелляционными утверждениями, выдаваемыми за доказательства, надеясь на то, что они имеют дело с доверчивой публикой, которая не ведает существа дела**. И это позволяют себе по отношению к Канту писаки, вся несостоятельность которых бьет в глаза на каждой странице, хочется даже сказать на каждой строчке их одуряющего, бессмысленного словоизвержения. Если это будет продолжаться, то Кант скоро уподобится мертвому льву, которого пинает осел. Даже во Франции нет недостатка в деятелях, которые, одушевленные сходной ортодоксией, стремятся к той же цели; так, некий господин Бартелими де Сент-Илер в речи, произнесенной в *Académie des sciences morales*¹⁸ в апреле 1850 года, посмел свысока судить о Канте и самым недостойным образом говорить о нем; по счастью, правда, таким образом, что каждому было ясно, что за этим скрывается¹⁹.

Иные же, причастные нашему немецкому “философскому ремеслу”, идут в своем стремлении освободиться от столь противоречащего их це-

* Один постоянно оправдывает другого, и простоватая публика в конце концов думает, что они действительно правы.

** Здесь я имел в виду прежде всего “Систему метафизики” Эрнста Рейнгольда, изд. 3-е, 1854. Как может произойти, что такие вредные для развития ума книги, как эта, выдерживают повторные издания, я объяснил в “Парергах”, т. 1, с.171.

лям Канта другим путем: они не полемизируют прямо с его философией, а пытаются разрушить основы, на которые она построена, но при этом оказываются настолько оставленными всеми богами и всякой способностью суждения, что нападают на априорные истины, которые так же стары, как человеческий рассудок, даже составляют его, и противоречить которым нельзя, не объявляя войны и ему. На таково мужество этих господ. К сожалению, мне известны только трое* из них; боюсь, что есть еще и другие, занятые этим подкопом и обладающие невероятной наглостью полагать, будто *пространство* возникает a posteriori, как следствие, как простое отношение предметов в нем, утверждая, что пространство и время эмпиричны по своему происхождению и принадлежат телам, что только благодаря нашему восприятию сосуществования тел друг подле друга возникает пространство и благодаря нашему восприятию изменений друг после друга возникает время (*sancta simplicitas!*)²⁰ будто слова “друг подле друга” и “друг после друга” могут иметь смысл без предшествующих, придающих им значение созерцаний пространства и времени и что, следовательно, если бы не было тел, не было бы и пространства, т.е. если бы исчезли тела, исчезло бы и оно; а также, если бы прервались изменения, остановилось бы время²¹.

И такую чепуху серьезно предлагают нашему вниманию через 50 лет после смерти Канта. Но ведь цель здесь заключается в том, чтобы подложить мину под кантовскую философию, и если бы утверждения этих господ соответствовали истине, она в самом деле была бы повергнута *одним* ударом. К счастью, эти утверждения такого рода, которые заслуживают даже не опровержения, а только презрительного смеха, утверждения, которые выступают не против кантовской философии, а против здравого человеческого рассудка и нападение здесь совершается не на философский догмат, а на априорную истину, которая как таковая и составляет сам рассудок человека и поэтому каждому, кто в своем уме, мгновенно становится столь же очевидной, как $2 \times 2 = 4$. Приведите с поля крестьянина, объясните ему суть вопроса, и он вам скажет, что даже если все исчезнет на небе и на Земле, пространство останется, и если приостановятся все изменения на небе и на Земле, время будет продолжаться. Настолько достойным уважения предстает по сравнению с этими немецкими болтунами от философии французский физик Пуийе, который, не интересуясь метафизикой, все-таки включает уже в первую главу своего известного учебника по физике, положенного во Франции в основу официального преподавания, два подробных пара-

* Розенкранц в работе “Моя реформа гегелевской философии” 1852 важно и с апломбом утверждает на с.41: “Я решительно сказал, что пространство и время вообще бы не существовали, если бы существовала материя. Лишь концентрированный в себе эфир есть действительно пространство, лишь его движение и как следствие его движения реальное становление всего особенного и единичного есть действительно время”; Л. Ноак, “Теология как философия религии”, 1853, с. 8, 9, фон Рейхлин-Мельдегг, Две рецензии на “Дух в природе” Эрстеда в Гейдельб[ергском] ежегод[нике], за ноябрь–декабрь 1950 и за май–июнь 1854 г.

графа – один – de l'espace и другой – du temps²², – где поясняет, что если бы материя была полностью уничтожена, пространство все-таки осталось бы, и что оно бесконечно, и что если бы все изменения приостановились бы, время продолжало бы идти своим ходом бесконечно. Здесь он не ссылается, как во всех других случаях, на опыт, поскольку опыт в данном случае невозможен, но говорит с аподиктической уверенностью. Ему, физику, чья наука полностью имманентна, т.е. ограничена эмпирически данной реальностью, даже в голову не приходит задать вопрос, откуда он все это знает. Канту это пришло в голову, и именно эта проблема, облеченная им в строгую форму вопроса о возможности априорных синтетических суждений, стала отправным пунктом и краеугольным камнем его бессмертных открытий, следовательно, трансцендентальной философии, которая, отвечая на этот и родственные ему вопросы, показывает, как обстоит дело с самой этой эмпирической реальностью²³.

И через семьдесят лет после появления “Критики чистого разума”, после того как мир преисполнился ее славой, эти господа осмеливаются преподносить нам такой грубый, давно опровергнутый абсурд, с которым давно покончено, и возвращается к старым грубым положениям. Если бы Кант вернулся и увидел все это бесчинство, он поистине ощутил бы то же, что Моисей, который, сходя с горы Синай, увидел свой народ пляшущим вокруг золотого тельца и в гневе разбил скрижали. Если бы Кант воспринял это столь же трагически, я привел бы ему в утешение слова Иисуса, сына Сирахова: “Рассказывающий что-либо глупому – то же, что рассказывающий дремлющему, который по окончании [рассказа] спрашивает: “что”?”²⁴ Ибо для этих господ трансцендентальная эстетика, этот алмаз в короне Канта, вообще не существовала: ее молча отстранят как pop avenue²⁵. Но для чего, по их мнению, природа создает свое редчайшее творение, великий дух, единственный из многих сотен миллионов, если от соизволения их заурядных умов зависит возможность аннулировать его важнейшие учения просто утверждением противоположного, или просто без всяких околичностей оставить их без внимания, делая вид, будто ничего не произошло?

Это состояние одичания и грубости в философии, когда каждый рассуждает, не задумываясь, о вещах, занимавших величайшие умы, является также следствием того, что с помощью профессоров философии наглый, марающий бессмыслицу Гегель мог выпускать свои чудовищные выдумки и в течение тридцати лет считаться в Германии величайшим философом. Вот каждый и думает, что может смело предложить все, что бы ему ни пришло в его глупую голову.

Прежде всего господа от “философского ремесла” помышляют, как было сказано, о том, чтобы предать философию Канта забвению, чтобы вернуться в заплесневевший канал старого догматизма и весело нести вздор на известные излюбленные темы, как будто ничего не произошло и в мире никогда не было ни Канта, ни критической философии²⁶. Отсюда и повсюду провозглашаемое в последние годы аффектированное почита-

ние и восхваление Лейбница, которого эти господа охотно приравнивают Канту, даже ставят его выше Канта и смело называют величайшим немецким философом. Между тем *по сравнению с Кантом* Лейбниц не более, чем ничтожно малый огонек. Кант – великий дух, которому человечество обязано незабываемыми истинами, и одной из его заслуг является также то, что он навсегда освободил мир от Лейбница с его вздорными выдумками о предустановленной гармонии, монадах и *identitas indiscernibilium*²⁷. Кант ввел в философию серьезность, и я ее сохраняю. Что эти господа мыслят по-иному, легко объяснимо: ведь у Лейбница есть центральная монада и к тому же теодицея, для ее подкрепления! Это именно то, что нужно господам от “философского ремесла”: так можно прожить и прокормиться. От кантовской же “Критики всякой спекулятивной теологии” ведь волосы становятся дыбом. Следовательно, Кант упрямец, которого надо отстранить. Да здравствует Лейбниц! Да здравствует философское ремесло! Да здравствует философия мундира! Эти господа в самом деле думают, будто исходя из своих мелких намерений могут затмить хорошее, принизить великое, утвердить ложное. На время могут, но ненадолго и не безнаказанно. Ведь даже я в конце концов пробился, несмотря на их махинации и их злостное игнорирование моих работ в течение сорока лет, испытывая которое я научился понимать высказывание Шамфора: “En examinant la ligue des sots contre les gens d’esprit, on croirait voir une conjuration de valets pour écarter les maîtres”²⁸.

Кого не любят, тем мало занимаются. Поэтому следствием антипатии к Канту является поразительное незнание его учения, и я подчас встречаюсь с такими свидетельствами этого, что не верю своим глазам. Приведу несколько примеров. Итак, сначала подлинный шедевр, правда, появившийся уже несколько лет тому назад. В книге профессора Михелета²⁹ “Антропология и психология” на с. 444 категорический императив Канта определяется следующим образом: “ты должен, ибо ты можешь”. И это не опечатка, так как в его вышедшей три года спустя “Истории развития новейшей немецкой философии” на с. 3 повторяется то же. Следовательно, оставляя в стороне, что он, по-видимому, изучал кантовскую философию по эпиграммам Шиллера, он поставил все на голову, выразил противоположное знаменитому аргументу Канта и показал полное отсутствие хотя бы малейшего представления о том, что хотел сказать Кант этим постулатом свободы на основе своего категорического императива. Мне не известно, чтобы кто-либо из коллег Михелет высказал бы ему свое порицание, – но *hanc veniam damus, petimusque vicissim*³⁰. И еще только один совсем недавний случай. Упомянутый выше в примечании рецензент книги Эрстеда, для заглавия которой наше заглавие, к сожалению, послужило крестным отцом, наталкивается в ней на утверждение, что “тела суть наполненные силой пространства”; ему это ново, и не ведая, что перед ним всемирно известный тезис Канта, он видит в нем собственное парадоксальное мнение Эрстеда и смело, упорно и повторно полемизирует с ним в обеих своих разделенных тремя годами ре-

цензиях с помощью аргументов такого рода: “Сила не может наполнить пространство без вещественного, без материй”; и тремя годами позднее: “Сила в пространстве еще не составляет вещь, для того, чтобы сила наполнила пространство, нужно вещество, нужна материя. – Без вещества такое наполнение невозможно. Только сила никогда не даст наполнения. Чтобы она наполнила пространство, должна быть материя”. – Bravo! Так аргументировал бы и мой сапожник³¹. Когда я вижу такого рода *specimina eruditionis*³², меня охватывает сомнение, не оказался ли я несправедлив к человеку, названному мною среди тех, кто пытается подорвать философию Канта; правда, при этом я имел в виду такие его высказывания как: “пространство – лишь отношение пребывания вещей друг подле друга”, с. 899, и далее, с. 908: “Пространство есть отношение, в котором вещи находятся между собой, есть пребывание вещей друг подле друга. Это бытие друг подле друга перестает быть понятием, когда прекращается понятие материи”. Ведь он мог в конце концов написать все это совершенно простодушно, поскольку “трансцендентальная эстетика” ему столь же неведома, как “Метафизические начала естествознания”. Впрочем, это, пожалуй, уж слишком для профессора философии. Но в наши дни надо быть готовым ко всему. Ведь знание критической философии вымерло, невзирая на то, что она представляет собой последнюю подлинную философию и учение, которое произвело революцию и составило эпоху в философствовании, даже в человеческом знании и мышлении вообще. Поскольку ею уничтожены все прежние системы, то теперь, когда знание ее отмерло, философствование происходит большей частью не на основе учений какого-либо из предпочитаемых мыслителей, а представляет собой чистую болтовню на основе обыденного образования и катехизиса. Но, быть может, испуганные мною, профессора вновь обратятся к работам Канта. Хотя Лихтенберг³³ говорит: “Полагаю, что в определенном возрасте изучить кантовскую философию столь же невозможно, как научиться ходить по канату”.

Я не снизошел бы до того, чтобы перечислять грехи этих грешников, но мне пришлось это сделать, так как в интересах истины я вынужден указать на состояние упадка, в котором через 50 лет после смерти Канта находится немецкая философия вследствие деятельности господ от “философского ремесла”, указать, до чего можно дойти, если позволить этим ничтожным, ничего, кроме своих намерений, не ведающим умам воспрепятствовать влиянию великих, озаряющих мир мыслителей. Видя это, я не могу молчать. К данному случаю применимо воззвание Гете:

Ты, мощный, что тебе молчать,
Хоть все не смеют пикнуть;
Кто хочет черта испугать,
Тот должен громко крикнуть³⁴.

Так же думал и д-р Лютер.

Ненависть к Канту, ненависть ко мне, ненависть к истине – все это *in majorem Dei gloriam*³⁵ одушевляет этих нахлебников философии. Кто не